

Без вести павшие

Поисковики-краеведы из Коми установили судьбы уже девяти тысяч солдат, долгие годы числившихся пропавшими без вести

Общероссийское общественное движение «Бессмертный полк России» приступило к реализации народного проекта «Установление судеб пропавших без вести защитников Отечества». В этом году проект уже обсудили в общественных организациях и законодательных органах ряда регионов, прошли слушания в Общественной палате России. В феврале на парламентских слушаниях в Госдуме РФ был представлен доклад «Документальная основа Народного проекта «Установление судеб пропавших без вести защитников Отечества».

Между тем кропотливые и тяжелые поиски по установлению судеб военнопленных, без вести пропавших солдат в нашей республике идут уже давно – силами небольшой группы энтузиастов. Известный журналист и краевед Анна Сивкова вот уже два десятка лет работает над этой трагической темой. Она – автор множества публикаций о судьбах военнопленных в историко-краеведческом выпуске газеты «Республика», а в последние годы – в журнале «Дым Отечества», который сама Анна Николаевна редактирует и издает.

■ Анна Сивкова: «Вот сейчас каждый год в День Победы проводится очень хорошая акция «Бессмертный полк», которую поддержала в свое время федеральная власть. Мне кажется, было бы справедливо организовать, хотя бы для начала в нашей республике, акцию памяти солдат, которые считались без вести пропавшими. Собрать единую базу данных об этих людях и через столько лет после окончания войны вручить родственникам, потомкам те самые «похоронки» с указанием даты, места гибели и захоронения их отцов, дедов, а сейчас уже и прадедов. Это можно сделать при поддержке общественных организаций, органов власти, минобороны, военкоматов. Сколько людей были бы за это благодарны...»

Анна Сивкова у памятника советским военнопленным на острове Тьётта, Норвегия.

Архив финского профессора

С Анной Сивковой мы знакомы много лет, вместе работали, потому обращение к ней на «ты» пусть не смущает читателя. Разговор мы начинаем с любопытной истории, которая и положила начало журналистскому поиску Анны Николаевны.

К судьбам пленных солдат я обратилась в середине девяностых годов. Несколько лет дружила с Паулой Кокконен, финкой, которая преподавала финский язык в Сыктывкарском университете. В Финляндии она издала уникальный пятитомник, который однажды привезла в Сыктывкар. В этом пятитомнике собраны записи профессора Уотила, лингвиста, сде-

ланные во время войны. Он записывал фольклор из уст советских военнопленных, коми по национальности – былички, загадки, чего там только нет. Записывал латинскими буквами, в транскрипции – так, как это звучало в устной речи. Получилось огромное количество текстов. Профессор вскоре после войны умер, архив с записями остался. К записям прилагались краткие сведения о пленных, с которыми Уотила беседовал. И Паула двадцать лет потратила, чтобы эти записи обработать и издать. Она обратилась ко мне: может, найдешь родственников тех пленных, которых записывал профессор Уотила?

Я опубликовала в газете список этих людей – около тридцати человек. И пошел буквально шквал откликов – звонков, писем. Оказалось, что почти все эти коми солдаты числились без вести пропавшими. Некоторые в финском плену погибли, некоторые выжили и потом попали уже в советские лагеря. Один из них, по фамилии Леканов, оказался жив до сих пор. Он сам из Прилузья, жил в Воркуте, написал мне несколько писем. Что удивительно, дети военнопленных,

В Норвегии памятники и советским, и немецким солдатам содержатся в идеальном состоянии.

Орудия труда пленных. Экспонаты музея в Рогане.

Советские военнопленные в бараке после освобождения из концлагеря Салтфьеллет в Норвегии.

Эти вещи изготовлены советскими военнопленными. Экспонаты музея в Рогане.

ковики. Они ездили в Подольск, искали сведения в Центральном архиве Министерства обороны. А потом я узнала, что одна молодая женщина из Ухты в поисках следов своего деда ездила в Германию и на лагерном кладбище в Витцендорфе нашла его могилу. Об этой женщине, Наташе Питюлиной, я написала в газете. Потом она переехала в Сыктывкар, продолжила поисковую работу. Узнала, что организация «Саксонский мемориал» публикует в интернете списки советских военнопленных, там есть и наши земляки, причем с фотографиями, сделанными в лагерях. Мы стали изучать эти данные, находить наших

которых расспрашивал финский профессор, по записям, по латинской транскрипции, узнавали речь своих отцов – их любимые словечки, обороты, присказки...

Вот с этого начался, можно сказать, систематический поиск сведений о солдатах, числившихся пропавшими без вести. Так получился проект «Не пропавшие без вести». Списки людей, о которых удалось получить достоверные сведения, публикуются уже двадцать лет. За эти годы мы нашли достоверные сведения о 9 тысячах наших земляков, до сих пор числившихся без вести пропавшими, в том числе и в республиканской Книге Памяти.

Поисковики-добровольцы

- Анна, но в этих списках есть ведь не только военнопленные. Есть люди, у которых указаны и время, и место гибели, даже место захоронения. Почему они столько

лет числились пропавшими без вести?

- Да, это не только попавшие в плен, хотя их большинство. Многие погибли в боях, в окружении, оставались незахороненными. Но очень многие покоятся в братских могилах, их имена увековечены на памятных знаках, их гибель и захоронение были задокументированы. Но их родные не получали так называемые похоронки, а только извещения, что солдат пропал без вести. И многие продолжали ждать и надеяться, что родной человек не погиб, вернется домой.

Почему так получалось? Была страшная война, огромные людские потери и неразбериха на фронте, особенно в начале войны. Возможно, власти просто не хотели или не могли выплачивать пособия семьям погибших. Трудно сказать...

- Наверное, это тема для серьезного исторического исследования. А кто помогает тебе в поисковой работе? Ведь это же огромный материал...

- Поначалу я собирала материал одна, потом подключились Ольга Ивашина и Иван Коробов. Я бы не сказала, что они помощники. Это самостоятельные и опытные поис-

земляков, их списки публиковать в газете.

В первом списке было, как сейчас помню, 250 человек. И у 50 из них вскоре откликнулись родственники! Затем родственники находились еще и еще, мы создали целую ассоциацию родственников солдат «Не пропавшие без вести», приняли решение поехать в Германию. И до сих пор мы единственный в России регион, жители которого установили памятник военнопленным в Германии. Это мемориальная плита в Витцендорфе на трех языках – немецком, русском и коми.

Наталья Питюлина вместе с сотрудником Национального архива Коми Леонидом Аркадьевичем Кызьюровым сейчас исследуют и обрабатывают очень интересный материал. Оказалось, что в нашем Национальном архиве есть огромный свод документов, переданных туда в свое время из ФСБ. Это карточки на пленных из Коми. В том числе и на тех, кто после войны оказался уже в наших лагерях. Очень интересный материал, мы его публикуем сейчас в журнале «Дым Отечества».

Еще один наш энтузиаст-поисковик, Виталий Степанович Трошев – бывший глава поселения Мутный Материк, сейчас пенсионер. Представляете, он нашел всех солдат, призванных из этого поселения, которые числились без вести пропавшими.

- Как ему это удалось?

- Он прекрасно ориентируется в интернете. Конечно, сейчас это не редкость, но у Виталия Степановича как-то поразительно получается находить там то, что другие найти не могут. Вот случай. У Валерия Петровича Маркова, нашего сенатора, в самом начале войны пропал без вести дядя – где-то рядом с Белостоком, у самой тогдашней границы. Так вот, дядю, его фамилия Вурдов, искали и Валерий Петрович, и его родственники много лет. И всё тщетно. А Трошев нашел в интернете буквально за три часа. Марков, который компьютером владеет от и до, никак в это поверить до конца не мог. Поехал туда, на место гибели дяди. А это сейчас Польша. Встретился с мэром этого маленького городка, увидел в местном архиве подтверждающие документы, ему показали могилу дяди, за которой поляки много лет ухаживали.

Валерию Петровичу Маркову мы, конечно, очень благодарны за помощь в издании книги «Не пропавшие без вести», где собраны результаты наших поисков за многие годы.

В образцовом порядке

- Судя по тому, что ты написала о поездке в Германию, там за могилами советских солдат ухаживают как за своими. Для нас, согласись, это довольно странно.

- Дай Бог, чтобы нам так относиться к своим. В Германии наша делегация посетила девять городов, где были лагеря военнопленных. Везде нашу делегацию встречали бургомистры, в Витцендорфе пригласили священников, отслужили литию. Кладбища и могилы в идеальном состоянии, за ними постоянно ухаживают. Две жен-

щины из нашей группы нашли даже именные могилы своих отцов. Немцы нам говорили: мы ждем русских, почему вы не приезжаете?

Ту же картину я увидела в Норвегии. Во время войны многие норвежцы рисковали жизнью, помогая пленным. Известно, что около двум с половиной тысячам наших удалось бежать из лагерей. Добраться до границы с нейтральной Швецией, где

Советские, норвежские и югославские заключенные концлагеря Фальстад на отдыхе во время работ на лесоповале зимой 1942-1943 гг. (Скорее всего, снимок пропагандистский).

Землянки советских военнопленных в Тромсё (Северная Норвегия).

Беглые советские военнопленные с норвежскими проводниками.

Макет лагеря в Фальстаде.

зация – БЕАР – Баренц-регион. Туда я написала письмо с помощью своей подруги-переводчицы Леоноры Давыдовой (она долгое время заведовала отделом иностранной литературы в Национальной библиотеке Коми). Наше письмо-просьбу передали в правительство Норвегии. Оттуда пришел ответ, что просьбу рассмотрят в течение двух недель. Но не прошло и суток, как нам ответили, что поездка согласована, нам выделяются средства – примерно 200 тысяч рублей, если перевести на наши деньги. Для Норвегии это, кстати, небольшие деньги, страна очень дорогая. И мы с Леонорой поехали.

- Долго там были?

- Две недели. За это время посетили полтора десятка мест, где были концлагеря, а также Фальстад-центр. Это исследовательский, музейный и мемориальный комплекс, находится он прямо на месте бывшего концлагеря, там же и гостиница. Так что ночевали мы в бывшей тюрьме.

- Мне это напоминает идею сделать нечто подобное в Воркуте. Был ведь несколько лет назад подобный проект...

- Это разные вещи. Да, мы действительно ночевали в том месте, где были все эти ужасы – казематы, пытки, казни. Но Фальстад-центр – это прежде всего исследовательский центр, где сосредоточена огромная база данных о военнопленных. Мне, кстати, норвежцы позволили все необходимые данные скачать.

- Много наших земляков там нашлось?

- Нет. Дело в том, что в Норвегию военнопленных доставляли из Польши и Германии кораблями через Балтийское море. Много таких транспор-

тов было потоплено союзниками, они же не знали, кого переправляют эти корабли. Среди пленных большинство было из южных районов СССР, много украинцев. А северян – мало. К тому же в Норвегии документы концлагерей сохранились далеко не полностью, много было уничтожено в конце войны. Мы установили только двух наших земляков, хотя есть сведения, что их было гораздо больше. Надо еще уточнять.

Отдать должное

- Тебе не кажется несправедливым, что в странах Европы, даже в тех, которые во время Второй мировой войны воевали против СССР, есть мемориалы, памятные знаки, посвященные нашим военнопленным, а у нас в России, если я не ошибаюсь, памятников им нет вообще?

- Я тоже такого не знаю. Конечно, несправедливо. Хотя причина понятна – у нас ведь долгое время пленных считали предателями. И это отношение к ним в какой-то мере сказывается и сейчас. Надо эту несправедливость исправлять. Люди, оказавшиеся в плену по разным причинам, попадали в нечеловеческие условия, перенесли страшные страдания. Их память надо чтить.

Вот сейчас каждый год в День Победы проводится очень хорошая акция «Бессмертный полк», которую поддержала в свое время федеральная власть. Мне кажется, было бы справедливо организовать, хотя бы для начала в нашей республике, акцию памяти солдат, которые считались без вести пропавшими. Собрать единую базу данных об этих людях и через столько лет после окончания войны вручить родственникам, потомкам те самые «похоронки» с указанием даты, места гибели и захоронения их отцов, дедов, а сейчас уже и прадедов. Это можно сделать при поддержке общественных организаций, органов власти, минобороны, военкоматов. Сколько людей были бы за это благодарны...

**Беседовал Евгений ХЛЫБОВ
Фото из архива Анны Сивковой
и открытых источников
в Интернете**

В 2015 году норвежский центр Фальстад организовал передвижную выставку «Советские военнопленные в Норвегии – 1941-1945 гг.», которая была показана в нескольких российских регионах, в том числе в соседней Кировской области. К сожалению, в Коми выставка не была представлена.

Выставка была подготовлена при содействии Министерства иностранных дел и Министерства культуры Норвегии и является частью экспозиции ис-

следовательского проекта Painful Heritage («Болезненное наследство»). В аннотации к выставке сказано:

«Норвежское правительство каждый год выделяет дополнительные средства на работу с советскими захоронениями. Цель этой работы – повысить уровень знаний о судьбе советских жертв на норвежской территории.

Условия содержания военнопленных в немецких лагерях были ужасающими, норвежское население по мере сил поддерживало заключённых, тайком передавая им еду и одежду.

Эта выставка рассказывает о тяжелейших условиях жизни советских военнопленных в немецких концлагерях в Норвегии. Но она рассказывает и о человеческом достоинстве, о человеческих отношениях, о дружбе между гражданским населением Норвегии и советскими военнопленными, о тех контактах, которые возникали в условиях концлагерей, подчас под угрозой сурового наказания».

беглецы оказывались в безопасности, им помогали проводники-норвежцы.

В начале 1950-х годов норвежские власти под влиянием холодной войны в обстановке секретности решили перезахоронить останки военнопленных со всей страны в одном месте – на острове Тьётта. Так сказать, с глаз подальше. Но граждане об этой акции прознали и воспротивились, ведь они во время войны помогали пленным, потом ухаживали за их могилами, чтли их память. Дошло до демонстраций протеста. Так что во многих районах страны кладбища отстояли. Хотя много останков всё-таки свезли на этот остров. Там сейчас мемориал. У жителей Норвегии слова «советский солдат» и по сей день вызывают искреннее уважение и почтение.

- Когда я прочитал твой «Норвежский дневник», для меня было откровением, что в этой в общем-то далекой от восточного фронта стране было столько наших военнопленных и столько лагерей.

- Не только в Норвегии. Наши военнопленные были и во Франции, в Нидерландах, Италии, Югославии, Чехии, Словакии... Словом, по всей Европе. Даже на Кипре я нашла одного похороненного солдата из Коми.

А в Норвегии действительно было примерно 100 тысяч советских военнопленных и порядка пятисот лагерей, правда, небольших.

Скорбный тур

- Как тебе удалось совершить поездку по Норвегии?

- Поездка стала возможна благодаря правительству Норвегии. Есть такая известная и у нас в Коми органи-

Количество людских потерь Красной армии в Великой Отечественной войне историки и архивисты устанавливают по сей день. С каждым годом масштаб трагедии представляется всё более ужасающим. Согласно данным из источников в Минобороны РФ на май 2016 года, установлено, что в ходе войны Вооруженные силы Советского Союза потеряли около 8,9 миллиона человек. В это число входят боевые потери, погибшие в плену и пропавшие без вести. По неполным подсчетам, в плену оказались порядка 5 миллионов солдат, офицеров и генералов Красной армии. Не более 2-х миллионов пленных выжили. Согласно рассекреченным данным Министерства обороны РФ, общие потери Советского Союза во Второй мировой войне составляют почти 42 миллиона человек, а не 27 миллионов, как считалось ранее.